

ЭТО Я ВИНОВАТ . . .

ЭВОЛЮЦИЯ И ИСПОВЕДЬ ТЕРРОРИСТА

ПИСЬМА ЕГОРА СОЗОНОВА
С КОММЕНТАРИЯМИ

ЭТО Я ВИНОВАТ...
ЭВОЛЮЦИЯ И ИСПОВЕДЬ
ТЕРРОРИСТА

Письма Егора Сазонова
с комментариями

ЭТО Я ВИНОВАТ...

ЭВОЛЮЦИЯ И ИСПОВЕДЬ ТЕРРОРИСТА

Письма Егора Созонова
с комментариями

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва 2001

ББК 84(2Рос=Рус)1
С 54

С 54

Это я виноват...: Эволюция и исповедь террориста:
Письма Егора Созонова с комментариями / Сост. и
коммент. А. Ф. Савина; Предисл. С. Г. Бочарова. —
М.: Языки славянской культуры, 2001. — 520 с.: ил.,
цв. вклейки после с. 64 и после с. 320.

ISBN 5-94457-018-0

На ваш суд представляются письма Егора Созонова,
чья историческая ипостась — убийство «патентованного па-
лача» министра внутренних дел В. К. Плеве; нравственная
же ипостась выделяет его среди других революционеров
начала XX века. Автор писем принял на себя вину за про-
литую и в будущем кровь: «это я виноват...».

ББК 84(2Рос=Рус)1

ЭТО Я ВИНОВАТ...

Эволюция и исповедь террориста

Письма Егора Созонова с комментариями

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление обложки Сергея Жигалкина

Корректор Г. Амелин

Оригинал-макет подготовлен А. С. Касьяном

Компьютерный набор выполнен А. Ф. Савиным

Подписано в печать 15.08.2001. Формат 60×90^{1/16}.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. п. л. 32,5. Заказ № 1499.

Издательство «Языки славянской культуры».

129345, Москва, Оборонная, 6-105; № 02745 от 04.10.2000.

Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: mik@sch-lrc.msk.ru Каталог в ИНТЕРНЕТ

<http://www.lrc-mik.narod.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП ордена «Знак
Почета» Смоленской областной типографии им. В. И. Смирнова.
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме изда-
тельства «Языки славянской культуры», имеет только датская
книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-94457-018-0

9 785944 570185 >

© А. Ф. Савин. Составление,
комментарии, 2001

© С. Г. Бочаров. Предисловие,
2001

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

Трагедия русской души (<i>С. Бочаров</i>)	9
ЭТО Я ВИНОВАТ	13
Семья, детство	19
Московский университет	31
Слово и мысль	45
Письма из Самарской тюрьмы	49
Бегство из Сибири	52
Письмо из Швейцарии	55
С мечом террора	60
Убийство Плеве	72
А друзья нарекли его Авелем	83
Для моего защитника	90
Узник	106
Письмо из Шлиссельбурга	106
Письма начала 1906 года	110
Акатуй	122
1907 год	140
Алгачи	145
Горный Зерентуй	169
Самая светлая моя радость	188
Мое новое люблю	188
«Душа в душу, ум в ум»	204
Потеря Гершуни	224
«Кабинетная религия» Мережковского	245
Я хочу быть с вами, с такими, как ты	255
Не от мира сего	271

Праздную только с вами	279
Липовый мед с родины	294
Семья Аверкиевых в письмах Егора	294
«Страдая, будь спокойна насчет твоего сына»	305
1909 год	317
Егор в одиночке	328
Егор — с деловым предложением	338
Бездна	353
Одиночество	367
На место старой правды вырастает новая	374
Робинзон на пустынном острове	388
Под обстрелом	408
1910 год	428
Тоскую я о матери своей	464
Потонувший колокол	471
Тревожная осень	476
Последнее прости	499
Послесловие	513
<i>Список литературы</i>	515
<i>Список иллюстраций</i>	518

Трагедия русской души

Герой этой книги Егор Созонов совершил в своей короткой жизни два роковых, непоправимых, смертельных поступка. 15 июля 1904 г. он по решению боевой организации партии социалистов-революционеров, которое стало его собственным непреодолимым решением внутренним, убил на улицах Петербурга государственного министра внутренних дел В. К. Плеве. 28 ноября 1910 г. в каторжной тюрьме в Горном Зерентуе в Забайкалье, за два месяца до выхода с каторги на поселение, он покончил с собой, следуя долгу чести заключенного, давшего слово таким единственным ему доступным способом протестовать против телесных наказаний, введенных тюремным начальством; и этим личным актом он хотел предотвратить коллективное самоубийство, к которому готовились заключенные. Он начал свой путь с того, что назначил в жертву другого человека, в котором видел олицетворение российского зла («изъял Плеве из обращения», как сам формулировал в своей «исповеди» перед судом), кончил тем, что принес в жертву себя.

Между этими двумя пределами судьбы Егора Созонова заключено содержание книги. Ее составляют письма Созонова с каторги родным и любимой женщине, «невесте», Марии Прокофьевой. Письма эти были опубликованы в 20-е годы, но составители этой книги их собрали, отобрали, расположили, прокомментиовали, осмыслили по-новому. История русского терроризма и тайна этого чудовищного явления нашей и мировой истории заново встают как вопрос перед нами сейчас, когда уже подведен итог XX веку. Политический террор был всегда, но

убийства Цезаря, Генриха IV, Авраама Линкольна остались в истории ее сильными эпизодическими событиями, однако то, что было начато действиями Народной воли в России при Александре II, открыло совсем иную эпоху истории. Только что впервые опубликован достаточно давний уже текст нашего историка Александра Зими́на, где он писал о «детях 1 марта» (это было написано в 1974 г., и примеры относятся к тому времени, а сегодня кажутся уже устаревшими): «Вот они, предтечи похитителей самолетов, Баадеров-Майнхофов, захватчиков заложников и ирландских террористов. Поистине Россия прокладывала путь в Неизвестное» (Ex libris НГ, 05.04.2001).

В начале нового века продолжал прокладывать этот путь террор эсеровский, савинковско-азефовский. И вот в наполняющих эту книгу письмах перед нами открытая душа одного из громких его активистов — убийцы Плеве. И какую душу мы слышим? Самую чистую, нежную, мягкую, даже кроткую, преданную. «Я же ни до, ни после, никогда не слыхал, чтобы он осуждал кого-либо». Это товарищ по партии, Борис Савинков, сам совсем другого душевного склада деятель, так вспоминал Созонова. «Что-то было в нем, что говорило и внушало (да и всю жизнь потом), что он не хочет быть судьей людей, что он не захочет взять на себя осуждения и ни за что не осудит». А это Алеша Карамазов у Достоевского. Егор Созонов в письмах просит прислать ему «Братьев Карамазовых» в тюрьму, не зная, конечно, что думал сделать со своим Алешей автор в следующем романе, о чем рассказал в своем дневнике А. С. Суворин: «Он хотел его провести через монастырь и сделать революционером. Он совершил бы преступление политическое. Его бы казнили. Он искал бы правду, и в этих поисках естественно стал бы революционером».

Таков ли был бы путь Алеши в следующем романе, который автор рассматривал как главный роман, а сами «Братья» — как лишь предварительный, — как знать? Можно и сомневаться в этом, настолько трудно представить такой путь Алеши, — но ведь, значит, Достоевский мог его таким представить, рассказывая Суворину, который мемуарист был точный (любопытно, что

запись своего старого воспоминания он сделал в 1903 г., когда уже выходил на свою дорогу Егор Созонов).

Как получалось у нас, что такие души, как Алеша Карамазов и Егор Созонов *естественно* шли в революционеры? Как получался тот адский сплав такой душевной «естественности» с противоестественностью пути, исказившего и сломавшего жизнь такого человека, каков герой этой книги? Вот в одном из писем он с презрением говорит об обычных путях, по которым идут товарищи, отходящие от «борьбы»: «ушел в науку, женился». Егор не ушел в науку и не женился и в результате проиграл свою богатую яркими возможностями жизнь, и в результате также вместе с собственной поломал судьбу любимой девушке, с которой вел такую глубокую духовную переписку.

Круг действия, в который в юности он был вовлечен, — это мир Достоевского. И в этом мире рядом с ним — «Авелем», как его звали родные и товарищи, и с братом ему по душе — «поэтом» Иваном Каляевым, — Ставрогин-Савинков, человек, не знавший страха, как не знал его и Ставрогин. Однако и самого Егора страшит перед концом воспоминание о Ставрогине как «предзнаменование». Имя Ставрогина означает крест, и брат Егора Зот, предвидя неизбежное, молит в последние дни: «Да минет чаша сия...» Не минула, не могла. Но Егор умирает не как Ставрогин, нет, — с двумя иконками на груди, благословением матери (как не вспомнить опять Достоевского — «кроткое» самоубийство другой его героини с прижатой к груди иконой!).

Письма этой книги — это письма родителям, брату, его жене, своей невесте. Вторая тема, второй герой книги — семья Егора Созонова, из которой он ушел сначала в «дело», потом на каторгу. Но на каторге в письмах этих он в семью вернулся. «Самые лучшие в мире родители...» Ничего нет более чуждого самой мысли о каком-либо терроре, чем склад и тон этой патриархальной религиозной семьи староверов и весь ее трудовой, крепкий, вечнонравственный до корней уклад. Но не только преступник-сын не ушел душой из семьи — семья ни на миг не заколебалась принять его как вдвойне возлюбленного во грехе. Матери он

пишет с последней нежностью, с отцом — труднее, перед отцом он — блудный сын, не ставший ему помощником в его нужном, полезном не только семье, но и людям, обществу и стране лесном деле; и отец обращает к нему суровое слово: «Терпи!».

С многочисленных фотографий на страницах книги на нас глядят лица — в них нам, сегодняшним людям, стоит всмотреться: сейчас вокруг нас такие лица вряд ли нам встретятся. Эти лица ушли вместе с тем укладом — хозяйственным, семейным, нравственным, — который в них запечатлен. Но присутствующие с нами авторы-составители книги еще видели эти лица живьем. Читателю следует отнестись со вниманием к предуведомлению перед первой страницей книги: «Перед прочтением текста рекомендуется ознакомиться с послесловием». В послесловии авторы-составители говорят о себе. Они — прямые потомки героев книги. Ирина Васильевна Созонова — внучатая племянница Егора Созонова, и в детстве она еще успела узнать его мать; Алексей Савин знал Любовь Александровну, которой Егор писал из-за торги задушевные письма. Перед нами не исследование отдаленного историка, а живое кровное наследование исторической истины и трагедии лучших русских людей, трагедии чистой русской души, какой представляется нам сегодня жизнь и смерть Егора Созонова.

С. Бочаров

ЭТО Я ВИНОВАТ

Я совершил величайший грех, возможный для человека ¹, два убийства, запятнал себя кровью ...

Прежде всего, не будем искать смягчающих вину обстоятельств, не покривим душою перед Богом ... Я не в безумии решил и совершил это дело. Никогда я не был осмотрительнее, чем когда решался ... Долгие и бессонные ночи в Самарской тюрьме были проведены в муках раздумья. Всё передумал, взвесил, пережил ожидавшие вас страдания ... не вините никого другого, кроме меня самого ... **Может быть я даже другого натолкнул на такое ужасное дело. Да, дорогие мои, ужасное дело ...** Я первый признал это. Вы знаете мой характер. Для того ли я был создан, чтобы проливать кровь? Вспомните мои молодые мечты о мирной деятельности на благо несчастного люда. И вдруг, при таком-то робком, миролюбивом характере, предо мной встала страшная задача ... и я не мог сбросить её со своих плеч, я должен был её выполнить, должен ... и даже теперь, после всего случившегося, я не мог бы решить по-иному.

Вы часто меня упрекали, что я, вкусивши науки, позабыл о Боге. Дорогие мои! Земной мой поклон вам и моё вечное спасибо за то, что вы научили меня свято относиться к вопросам совести. Ведь потому-то я совершил дело, что я чувствовал, что моя совесть, моя религия, моё Евангелие, мой Бог — требовали этого от меня. Мог ли я ослушаться?.. Да, родные мои, мои революционные и социалистические верования слились воедино с моею религиею ... **Я считаю, что мы, социалисты, продолжаем дело Христа**, который проповедовал братскую любовь между людьми, призывал к себе всех трудящихся и обремененных и умер, как политический преступник, за людей ... Но,

¹ Кроме министра внутренних дел В. К. фон Плеве был убит его кучер.

вы скажете, что Христос не убивал, а прощал своих врагов. В том-то и ужас, что люди не доросли до христианских истин и, несмотря на пример и учение Христа, по-прежнему остаются зверями. Мало того, они исказили, запачкали своими грязными окровавленными руками чистейшее учение Христа... Те, которые называются служителями Христа и которые вечно должны повторять народу: «любите друг друга», учить его, чтобы человек каждого человека любил, как самого себя, — эти-то лживые учителя оправдывают всю неправду на земле. Требования Христа — ясны; кто их исполняет? — Мы, социалисты, хотим исполнить их, хотим, чтобы царство Христово настало на земле. А насчёт убийства, — так я обращаюсь опять к вашей религии. Положите руку на сердце и скажите, как перед Богом: всегда ли и во всех ли случаях свята и непреложна заповедь: «не убий»? Если так, то, почему же царя, по манию которого проливаются реки крови, называют благочестивым, а солдат, которые избивали не только японцев, но и своих же братьев русских, величают христолюбивым воинством, хвастаются, что солдаты убивают за веру, царя и отечество? Значит, им можно убивать и, если они умрут на войне, то достойны за то царствия Божия. Почему же такая разница? Или дело в том, что они убивают и умирают за отечество? Если только вы признаёте, что война на этом основании оправдывается, то мы оправданы и убеждены паче снега. Мы воевали за отечество, за дело народа. Уже народ громко признаёт наше дело своим делом, и если ему не дают открыто высказаться, то мы не виноваты: мы только и желаем и добиваемся, чтобы сняли повязку с уст народных. Да, мы отдавали свою жизнь «за други своя» и получали за то не георгиевские кресты и медали, а позор, позорную смерть... Виселица заменила крест, который некогда предназначался тоже, как позорнейшее наказание. После нашей смерти враги наши глумились на наших могилах, предавая нас анафеме... Не слава предвещала нас. После страшной борьбы и мучений, только под гнетом печальной необходимости, мы брались за меч, который не мы первые поднимали. Не судите же нас строже, чем мы того заслуживаем, не будьте, как прокуроры, несправедливы перед Богом... Да, я виновен перед Богом, но я спокойно жду его суда и знаю, что он будет судить меня не так, как здесь судили — судом неправедным.

Не упрекайте ещё меня за то, что я именно вас ввергнул в эту бездну горя. Подумайте, мог ли я иначе поступить, когда я слышал, как мой учитель

говорил: «возьми крест свой и иди за Мной» и ещё: «кто возлюбит отца своего или мать свою больше, чем Меня, тот недостоин меня» ... Не Он ли заставил Свою мать увидеть Его крестную смерть, а разве она меньше любила своего сына, чем ты, мама, меня? **Не мог я отказаться от своего креста, мои бедные ... Поймите же и простите ...** Поймите и поднимите свои, поникшие, под тяжестью горя, головы, глядите всем прямо в глаза и говорите все гордо: наш сын был честный солдат и сражался за то, что он считал правдой. Счастье наше, уже недолго нам носить наш позор ... Скоро, скоро общество, народ рассудит нас с правительством, и скоро наши судьи попадут на наше место на скамью обвиняемых. Народ скажет про меня и моих товарищей, казнённых и оставленных в живых, как сказал на суде мой защитник: «Бомба их была начинена не динамитом, а горем и слезами народными ... — бросая бомбы в правителей, они хотели уничтожить кошмар, который давил народную грудь», — скажет и оправдает нас, а наших противников, тех, которые своими насилиями над народом доводили нас до необходимости проливать кровь, осудит и память их предаст вечному проклятию (1, 84—86).

Мука за «величайший грех, возможный для человека», началась у Е. Созонова задолго до свершения им своего «ужасного дела» 15 июля 1904 года. Всякий общественный протест был противен и его миролюбивой натуре и религиозному воспитанию в семье староверов. Будучи уже студентом Московского университета, он неодобрительно относился к студенческому движению. Чувство вины за всякое насилие владело им настолько, что «кровавый акт» против Министра Просвещения Боголепова, совершенный не им, а другим студентом, он почел своей личной виной. ...Когда раздался выстрел Карповича ², я с ужасом отшатнулся от этого факта: меня страшила мысль, что, может быть, в смерти Боголепова нравственно повинен и я (2, 21).

² 14 февраля 1901 г. Петр Карпович (1874—1917) убил Министра Народного Просвещения Боголепова. Карпович — бывший студент, не раз исключенный из университетов за участие в студенческих волнениях. В 1901 студент-вольнослушатель Берлинского университета. С 1907 года — член и руководитель БО ПСР, он стал помощником Азефа.

До самого своего конца Егор Созонов глубоко сознавал свой грех, в то время, как обычно, начиная еще с народовольцев террористические акты оправдывались толкованием евангельского выражения положить душу за други своя, Егор противопоставлял более суровое обнаженное определение своего террористического акта. В письме от 15 июля 1908 года своей невесте Марии Прокофьевой он писал: *плачу за свою смелость тем, что хочу «положить душу за други своя» (в твоём толковании) ... эту же мысль я выражал словами: «Нужно осмелиться брать на себя грех»* (4, 648).

Семья, детство

Казалось, ничего не предвещало в Созонове террориста. В детстве и отрочестве он был послушным и примерным сыном — не то, что его младший брат Зот. Зот бросил гимназию и во всем проявлял свой независимый характер, дома бывать избегал, облачался в красную рубашку и в свободное время бродил по лесам. За отказ от учебы отец определил его работать на свой лесоперерабатывающий завод в Камышин. Из опубликованных писем отрока-Егора брату за 1895 г. можно видеть, что Егор из всех сил старался порадовать родителей хорошей учебой, которая на первых порах давалась ему нелегко из-за потери памяти после перенесенной натуральной оспы. С четвертого класса стал учиться лучше и окончил гимназию первым учеником. В старших классах он готовил бедных учеников бесплатно, но даже не упоминал об этом родным¹. Его письма порой выглядят наивными и детскими для его 16 лет. Он переживает за полученные оценки, упрекает себя за недостаточное усердие. Но за всем этим уже видны истоки его натуры, не просто сердечное отношение к родным, а его живое побуждение сблизить их, примирить друг с другом в случаях разногласий. Вот пример из первого письма от 8 октября: *Милый мой брат! Желаю тебе доброго здоровья, счастья и всего хорошего ... Вот уже почти неделя, как приехал папа. Он вчера был именинник. Знал ли ты это? Если знал, то почему не поздравил?.. Мы с мамой соскучились о тебе. Пиши хоть ради мамы, она очень беспокоится о тебе ... Когда будешь писать сюда, то пиши*

¹ По воспоминаниям матери (1,48).

сначала папе; он обижается, что ты сначала пишешь маме (1, 68). И в другом письме: Зот, папу очень оскорбляет (вот не понимаю почему!), что ты ему вовсе не пишешь, или пишешь так, позади мамы. Ты, Зот, этим и маму огорчаешь. Она знает, что ты её любишь, но зачем же папу-то огорчать. Или корит себя: Как я виноват, Зот, перед папой. Я выразил тебе в последнем моем письме опасение, нет, уверенность, в том, что он распечатывает твои письма. Дурак я, что мог подумать это про него (1, 69, 70).

Он истинный сын своей семьи. Вот как напишет он о ней: По рождению я происхожу из благомыслящей, в высшей степени религиозной и монархически настроенной крестьянской семьи, которая переселилась из деревни в город и там быстро разбогатела эксплуатацией башкирских лесов — сравнительно уже поздно, когда мне было лет 10 — 11. Тот дух, которым я был пропитан, пока находился всецело и единственно под влиянием семьи, был в высшей степени враждебен какому-либо протесту или недовольству строем жизни русской. Царские портреты наравне с иконами украшают комнаты в доме моего отца (3, 42). Отец Егора Сергей Лазаревич Созонов, богатырь телом и духом, купил леса на Урале, основал два завода, в Саратове и Камышине, стал лесопромышленником и купцом. Мама Акилина Логиновна — под стать отцу и сложением и благообразной красотой, молитвенница, любящая жена, мать, помощница бедным. Семейное гнездо у них было в Уфе, большой дом с обширным яблоневым садом, конюшнями, скотным двором — целое хозяйство. Егор развел цветник, как рассказывала мать, ухаживал за ним целыми днями. Акилина Логиновна потом вспоминала: Егор однажды утром рано отправился в лес и вырезал большой пласт земли с незабудками. Ухитрился доставить его в целости и поместить в саду. Ждал, пока встану и увижу эту радость. И правда, гляжу: ровно голубое небушко к нам в сад снизошло. Егоровы незабудки. И потом, учась в университете в Москве, привозил корни цветов и ягодные кусты. До университета Егор получил небольшое домашнее образование: он рос тихим, впечатлительным ребенком. Егор развивался под влиянием семьи в сторону добра и к последним классам гимназии стал очень веселым и живым, и в то же время, ласковым и отзывчивым человеком,

жалел и помогал бедным знакомым деньгами и советами ... он не интересовался ни революционной литературой, ни самой революцией. Он думал тогда о путешествиях в далёкие страны (1, 48). Именно о той поре своей жизни с родителями, когда он уважал дело своего отца, ссыльный Егор-террорист вспоминал: *Когда-то наш дом любило счастье* (1, 237). Мать царила в доме (отцовские дела были вне дома) не по тому, что была в нем хозяйкой, а потому что во всякой заботе оставалась их особенной матерью, статной, с белым чистым лицом и крупными красивыми руками. Просыпаясь в детстве во время болезни, он знал, что она сидит над ним, различая в ночном сумраке только ее белую шею и подбородок. Делалось спокойно и сладко, что он живет и видит мать и ночную полутьму. Он был весь в испарине, слабый, и мать давала ему прохладную крупную руку. Не хотелось уходить опять в больной душный сон. И еще он помнил голос матери певуче-низкий, она ко многим словам добавляла «те»: «рубаху-те чистую надень», «пирог-те поешь» — эти «те» смягчили ее речь. У отца они тоже были, но отрывистее и короче. Когда Егор приезжал на каникулы, материнское «полегше-те», «летом-те», как кругляшки на дощатом полу детской было его домом и больше ничьим. В письме к матери он описывает праздник Рождества в доме: *Помнишь, как бывало ты хлопотала перед большими праздниками? Ведь дым коромыслом стоял. И всех нас ты заражала своей хозяйственностью. Переставляешь вещи, норовишь, чтобы все выглядело красивее, уютнее. Все блестит чистотой ... Кружевные занавески падают вниз, как белая мечта. Чистая зелень освежённых растений привольно раскинула листья и как будто любит себя и на похорошевшую обстановку ... На кухне целое столпотворение. Лучше и не заходить туда, — там целый соблазн: так аппетитно пахнет Рождеством, что того и гляди попробуешь заблагоразумно. Начинает смеркаться, зажигаются лампы. В доме становится таинственно тихо. Какое-то чудо творится где-то, где-то готовится родиться. Целую ночь не дома, служба. Возвращаешься домой ещё в темноте. В доме уже совершилось чудо: в него уже вошёл праздник и пока что торжественно притаился в сумерках тихих комнат. Обходишь их и чувствуешь светлого гостя. С спокойной душой ненадолго отдаёшься крепкому ласковому сну, после*

которого встаешь с возобновлёнными силами. На столе уже сверкает и весело дымится лёгким паром самовар. Веселый звон посуды кричит: с праздником! О том же говорит белоснежная скатерть. Милая мамочка, нарядная, но ещё по-домашнему царствует за столом. Папа благодушно приютился рядом с нею. На лицах покой и тихая радость. С праздником милые! (1, 305—306).

Егор свято верит в Бога. Матери он читает о «Страстях Господних». Праздники и церковные и царской семьи Егор чтит: У нас на прошлой неделе было три праздника подряд (пятница — годовины по Ал. III, суббота — восх. на пр. Н. II и воскресенье) (1, 69). И в милостях судьбы он полагается на Бога: Помог бы Бог поскорее кончить шестой класс... Зоту желает: Будь здоров, не скучай, читай, молись Богу и о нас не забывай (1, 67, 69). В лесной работе отца Егор видит семейную гордость и поэзию. Впоследствии, заключенный в Шлиссельбургской крепости, он, нередко переносился воспоминаниями к «лесному делу»: Зимой вместе с вами жил в глуши башкирских лесов и рубил звонким топором высокие сосны и ели. Весною пел «зеленую» вместе с бурлаками, в весёлой, хлопотливой и тяжёлой суতোлке погрузки леса, и вместе с ними тихо-тихо, как во сне, проплывал на плотях мимо пробуженных ласковым солнцем деревень, шумных веселым гулом городов, душистых, по-праздничному нарядных лугов, просторных, как храмы лесов, оглашаемых смешанными хорами иволог, соловьев и кукушек ... приволье и радость! А затем Саратов с его торговой горячкой ... (1, 81—82). В мае 1909 г. он с забайкальской каторги пишет отцу: Милый дорогой мой папочка ... Я предполагаю, что май вы должны пробыть дома, ведь теперь как раз время отправлять плоты. От души желаю вам сил в вашей многотрудной работе (1, 249). Егор жалеет, что отец не выберет времени отдохнуть с семьей на Кавказе в Железноводске, и в июне уже так думает о дорогом папе: Наверное, всё некогда. Грузка леса в Уфе теперь уже, вероятно, закончена, и вы скоро уедете в Саратов. От души желаю вам успехов (1, 252). Отца отрок Егор все время видел в работе. Он сообщает Зоту в 1895 г. из Уфы в Камышин: Стоит здесь страшный холод, и всех нас заметало снегом. Папа вчера уехал по пристаням (1, 71). Папа стал бирский купец. Новая дача — в Бирском уезде, и из неё будут нынче вырабатывать, не знаю — плот или беляну (1, 73). Дела

на заводах его интересуют как «хозяйского» сына: *До нас дошли слухи, что камышинцы, вроде г. Сапожникова, тобой ² недовольны, недовольны, что над ними контроль. Так их и надо* (1, 71).

Он и сам не прочь обучиться делам отца у Зота, который в них участвует: *Когда ты приедешь к нам (дай Бог поскорее), я у тебя буду брать уроки в коммерции ... термины, качество, цену ...* (1, 72).

Все хозяйственные дела его занимают. Папа на Цыгана купил тяжёлую сбрую, хочет купить городские сани. Для кабинета заказали диван и два кресла, через неделю сделают ... Купили Алексеевский дом за 6,000 р. Не знаю, кто-то в нем будет жить или Меркурий или Антип ³. Антон буфет сделал. Хотя он его делал и больше полугода, а сделал нечисто (1, 70, 72).

Как и мать Акилина Логиновна, в Уфе Егор не забывает деревенских занятий, возится на земле, копает, занимается цветником, привечает и жалеет скотину. *Новый кучер, не знаю, не привык ли что ли ещё, ездит плохо. Кобылку чуть не испортили. Аширкин объезжал её и раздёргал ей губы, а Тимофей ⁴ хомут рано снял и с плеч у нее сошла шерсть; сейчас она всё ещё не поправилась* (1, 72).

Егор делит свое время между общесемейными заботами и гимназией, которая не всегда ему по сердцу. Он порой завидует Зоту: *Милый мой! Как я рад за тебя, что ты уже свободен, что кончилось, наконец, скучное для тебя зубрение. А я, Зот, очень был бы рад учиться, если бы не эти мёртвые языки. И, право, они мёртвые. Они не только не приносят никакой пользы, но мешают, отнимают время занятий другими интересными предметами: историей, алгеброй, словесностью и физикой* (1, 67).

Такое отношение к латинскому и греческому было для Егора не случайным. Еще под управлением министра народного просвещения Толстого было произведено полное преобразование средней школы в охранительном духе. Вопреки протестам общественного мнения был введен гимназический устав 1871 г., по которому центр преподавания сосредоточивался на латинском и

² Т. е. Зотом.

³ Антип и Меркурий Созоновы — родные братья отца.

⁴ Кучер.

греческом языках. История, литература, новые языки отодвигались на второй план, а естественные науки почти вовсе исключались из программы. С естественными науками соединялось у реакционеров представление о материализме и либерализме. Классические языки обеспечивали политическую благонадёжность. Для этой цели преподавание должно было сосредоточиваться на формальной стороне изучения языка: на грамматике и письменных упражнениях в переводах.

Поэтому-то Созонов так невзлюбил мертвые языки. Но Егор старается, корпит над упражнениями, говорит, что *нужно учить*.

Однако нельзя представить себе Егора кротким агнцем. Заповедь «не суди» отнюдь им не соблюдалась. Про подчиненных отца, склонных к воровству и, как упоминалось выше, взятых под контроль Зотом, резко говорит: *Так их и надо!* Он с явной издевкой судит своего однокашника Тихона, который вместо учебы прогуливается с барышней, а потом, чтобы скрыть свои двойки, изорвал гимназический журнал. Егор берет на себя роль его пылкого обвинителя и за ложь, и за жестокое отношение к матери.

Кроме своих учебных дел больше всего Егор пишет брату о книгах: *Что сейчас делаешь? Читаешь ли? Вот три дня я прочитал. Читал Писемского. Боже, как мне понравился роман «Люди 40-х годов» ... Милый Зотик! Прочитай этот роман. Или: У тебя была из гимназии библ. книга, несданная, это «Жизнь животных» Брема, её потребовали, и я сдал. Мамочка дала мне полную историю Карамзина — радостно сообщает он Зоту (1, 69, 71).*

Как рассказывает Акилина Логиновна, еще в раннем детстве Егор увлекался чтением. *Спрячется с книгой и сидит тихонько целыми часами. Долго приходилось его искать, найдёшь где-нибудь на сеновале и отберёшь книгу (1, 48).* Неграмотной матери Акилине Логиновне он часто по вечерам читает вслух не только Священное Писание. Впоследствии он, например, вспоминает: *Помнишь ли, когда-то я читал тебе про «Отелло», чёрного героя, который из ревности задушил свою прекрасную и невинную жену Дездемону. Боже, как ты плакала тогда, слушая эту трагедию (1, 280).*

Брата он с нетерпением ждет в Уфу, чтобы разделить с ним веселье, которое связано с отцовским «лесным делом». *Вот придёт желанное лето, и мы с тобою, может быть поплывём вместе*⁵. *Вот весело-то будет* (1, 68). *У нас в гимназии болтают, что по случаю коронации... все экзамены кончатся к 1 мая. Вот бы хорошо-то было! Тогда и на пристань можно* (1, 71).

Итак, еще шестнадцатилетний Егор спаян с семьей всеми узами — веры, дела, любви. Он мечтает учиться «коммерции» у брата Зота, который, не достигнув 15 лет, ступил на стезю заводских и торговых забот родителя. Чтобы кончить гимназию, Егору оставалось пройти через 7-ой и 8-ой классы. Писем от этого времени не сохранилось. Но сохранилось его признание, которое показывает, что 17-ти — 18-ти летний Егор становится более самостоятельной личностью, а не просто послушным сыном лесопромышленника и купца. Усердие матери к постам и молитвам порой вызывало у нее истощение до тяжелых мигреней, и он, слыша из молельни ее молитвы, сам молился об ее здравии, но и уже нетерпеливо ждал, когда она встанет с колен, чтобы пойти спать. Только дождавшись последней молитвы «отпуст» и, мысленно повторяя ее за ней, словно торопя, он и сам спокойно засыпал.

Он уже не безоговорочно думал о том, чему учила его суровая старообрядческая уставщица еще до переезда в Уфу. У него даже мелькала мысль *сделаться маленьким церковным реформатором, преобразовать старую, хмуро тяжёлую, лишенную света и радости веру в нечто такое, что трогало бы самые лучшие стороны души* (4, 150)⁶.

У него появляются свои планы на жизнь, противоречащие образу жизни и планам отца. Успехи его в учебе растут, он кон-

⁵ Имеется в виду на плотях.

⁶ Материалы из эмигрантского журнала «Воля России» впервые открыты для нас историком, кандидатом исторических наук, доцентом МГУ Романом Городницким, автором книг и статей о движении эсеров, в том числе и о Е. Созонове.

чает гимназию первым учеником, и отец хотел видеть его инженером, что не помешало бы ему стать образованным компаньоном лесного отцовского дела. Егор пишет в так называемой «Исповеди», что гимназия была для него *учреждением ненавистным. Там систематически истребляли в нас всё живое ... Самый живой предмет истории — преподавалась в юдофобском стиле* (3, 43). И, видя на ученической скамье ложь в казенной науке, он, подобно другим мыслящим молодым людям, *предоставленный собственным силам, самостоятельно вырабатывал свои убеждения, враждебные прежним традициям*. Своим новым убеждением он считал *гуманистические запросы, которыми всецело обязан русской литературе*. Он уже идет наперекор отцу. *Я поехал в Москов. Унив. с жаждой знания, с мечтой пройти несколько факультетов, чтобы, в конце концов, сделаться земским врачом, непременно врачом для бедных. Мне пришлось сильно огорчить отца тем, что я отказался последовать его совету, поступить в какое-нибудь специальное высшее учебное заведение, «чтобы потом сделать блестящую инженерную карьеру».* Слово «карьера» было мне невыносимо (3, 44). Понятия отца уже становятся не его понятиями.